

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

 СЕУ П Р Е С С

Александр Пятигорский

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Лекции по феноменологии мифа

•ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ•

Москва 1996

ББК 87.2
П99

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 96-04-16134

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Издательства Центрально-Европейского Университета
(CEU-PRESS) и Института «Открытое общество»

П99 **Пятигорский А. М.**

Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 280 с.

ISBN 5-7859-0002-5

Перевод с английского Павла Лиона
Под редакцией Ю. П. Сенокосова

Перевод выполнен по изданию:
Alexander Piatigorski. *Mythological Deliberations. Lectures on the Phenomenology of Myth.* University of London. 1993.

ББК 87.2+87.5

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0002-5

© А. М. Пятигорский, 1996

© А. Д. Кошелев. Серия

«Язык. Семиотика. Культура», 1995

© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Вместо введения. Мифы о знании: два разговора.....	9
Лекция 1. Размышление о мифе как сюжете и времени (Предварительный феноменологический экскурс).....	17
Примечания.....	47
Лекция 2. Что есть миф? (Встреча с Индрой)	54
Примечания.....	96
Лекция 3. Миф о том, как становятся богами (Встреча с Эдипом)	104
Примечания.....	145
Лекция 4. Миф знания (Факторы мифа)	152
Примечания.....	199
Лекция 5. Миф как время, событие, личность (Возвращение Индры; конец бесконечного дня)	200
Примечания.....	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет этих лекций — сравнительная мифология. Сравнительная в том смысле, что любое *размышление* о мифе сравнительно по определению. Ибо думая о чем-то как о мифе или о мифе как о чем-то, мы уже предполагаем существование, по крайней мере, еще одного мифа или еще одной вещи, кроме мифа или вещи, с которых мы начинаем думать. Сравняются не обязательно конкретные (в том числе — наши) исторические, географические, этнические и религиозные контексты мыслей, но, в первую очередь, сами мысли. Феноменология мифа подразумевает его деконтекстуализацию, задачу же восстановления оригинальных контекстов проинтерпретированных таким образом мифов мы охотно возложим на традиционных исследователей мифологии.

Мне очень хочется опубликовать эти лекции именно как лекции, то есть в той форме, как они были прочитаны в мае 1992 года, не изменяя их и не перерабатывая в монографию с систематически связанными главами. Представляя их читателю как лекции, я освобождаю себя от необходимости что-либо доказывать и не претендую на убедительность. Я просто делюсь своими мыслями по поводу мифа с теми, кто тоже хотел бы поразмышлять об этом в свободное время. Надеюсь, что не слишком злоупотребил преимуществами положения лектора. Прошу извинить за неизбежные противоречия, несообразности и повторы.

Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить коллег, поддержавших мои первоначальные соображения о мифе и

желание донести их до студентов и аспирантов. Особенно я обязан Тимоти Баррету, Хэмфри Фишеру, Ричарду Грею, Джеральду Хоутингу, Тьюдору Парфитту, Джону Уонсброу и Саймону Уэйтмену. Я также очень благодарен Шарлотте Фримэн за комментарии к третьей и четвертой лекциям, Мартину Дейли за активное участие в публикации, Норе Шейн и Джоун Риджуэлл за помощь в технической подготовке первой редакции.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

МИФЫ О ЗНАНИИ: ДВА РАЗГОВОРА

«Все люди смертны. Адам бессмертен. Следовательно, Адам — не человек». Или: «Все люди бессмертны. Адам смертен. Следовательно, Адам — не человек». Учитель, но ведь это неправда! — Неправда о ком? — О человеке. — Но разговор-то об Адаме. О нем и спрашивай.

Из бесед Джона Беннетта

Первый разговор совсем короткий. На сцене появляется обнаженная танцовщица и говорит зрителю: «Ты меня уже увидел — хватит», — и исчезает. Зритель, увидев ее, говорит: «Я тебя уже увидел — хватит». Этот диалог взят из комментария на Санкхья-Карику древнеиндийского философа Ишвары Кришны. Обнаженная танцовщица — это вечная несотворенная Природа (*пракрити*). Сцена — Вселенная. Зритель — вечный нерожденный Дух (*пуруша*).

Мифа в этом разговоре — нет, как нет и сюжета и чего бы то ни было еще. Есть одно голое (как танцовщица) содержание. Миф (как и любая другая конкретизация содержания) может возникнуть только в *истолковании, интерпретации* этого содержания, к чему я сейчас и перейду. Итак, действующее лицо здесь одно — Природа. Она себя открывает — в этом своем действии. Дух ее видит (*знает*), но зная, не действует,

ибо таков «мифологический» постулат: знающий не действует, действующий не знает. Объект знания *хочет* быть узнанным: «хватит» танцовщицы означает «хватит, так как уже узнана». Знающий *не хочет знать*, он — просто *знает*, и его «хватит» — это «хватит, так как уже узнал». Разговор закончен, потому что ни одна из сторон не нуждается в его продолжении. Но миф на этом не кончается.

Знание Знающего (Духа) здесь полное, всеобъемлющее и окончательное. Всякое другое знание, в *этом* мифе, сколь бы велико оно ни было, не есть знание. Но Действительность может (только в принципе, ибо в действительности это почти недостижимо) достичь этого Знания путем отказа от действия, и от «простого» — то есть, как и любое простое действие, обусловленного «чтобы» и «зачем», «отчего» и «для чего» — знания. И тогда, в преддверии этого достижения, будет возможно и продолжение нашего разговора. Но в таком случае уже перестающий действовать Действительность, зная, не появится ни на какой сцене обнаженным и будет только *спрашивать* Знающего, то есть Дух, а тот будет отвечать только о Знании. И это не будет разговором равных.

Этот продолженный разговор содержит *Миф о полном знании*. Знания, которое само не знает времени своего протекания, не знает дления и остановки, прорывов и регрессий. Мгновенно полученное (как знание Зрителем Духом обнаженной танцовщицы), оно вечно и извечно, как и обнажающаяся перед ним Природа. И в смысле этого мифа один знает все, а другой — ничего, ибо, повторяю, Знание не связано здесь со временем.

Этот миф имеет своим следствием *не-необходимость* Знания для не-знающего (Природы, ума, человека, бога и т. д.), ибо Знание — *неприродно* по определению, так же как и *необусловленно*. Необходимость здесь входит в состав достаточно сложной структуры сознания, именуемой «природа». Здесь, однако, есть одно очень интересное обстоятельство: «природное» (опять же, включая ум и т. д.) может *хотеть* и, в частности, хотеть Знания. Но это хотение никак не вытекает из *природной* необходимости. Оно, скорее, антиприродно. И, если

говорить о философской мифологии Санкхьи, хотение Знания (и поиск ведущих к Нему путей) приписывается «предельной» природной инстанции, максимуму, в котором первичная не проявленная Природа себя проявляет, высшему разуму (*буддхи*). [Не замечательно ли, что «эволюция» проявлений Природы начинается, в Санкхье, именно с «высшего», а заканчивается «низшими формами», такими как восприятие, органы чувств и телесные органы.] Тогда можно было бы сказать, что если «эволюция» Природы в проявленном и, в частности, в высшем разуме, спонтанна (то есть «природно необходима»), то желание высшего разума Знать уже есть переход от необходимости природы к свободе Знания. (При этом остается неопределенным, было ли явление голой танцовщицы Духу необходимым.) Танцовщица *желала* показать себя, Природу, Духу — ведь невозможно показать себя «никому». Отсюда — тавтологичность ее и Его реплик.

Да и вообще, может ли случиться настоящий разговор между субъектом знания и его объектом? Нет, конечно. Они, *мифологически* — два разных мира, где второй произведен от первого. (Хотя, разумеется, есть и мифологии (или даже, науки), где они — *одно*, как, например, в буддийской философии.) Отсюда и формальность, эпистемологическая условность всех разговоров «Человека с его Душой», египетских, вавилонских, да и древнеиндийских тоже, включая сюда и «Бхагавадгиту», хотя и со значительными оговорками.

Настоящий же разговор может произойти только между двумя *субъектами знания*. И пусть один из них знает меньше или по-другому, а другой знает почти все, но ни один из них, ни оба вместе не знают *всего*. Миф, образующий содержание и сюжет такого разговора, — *Миф о не-полном знании*. Знания, которое меняется и увеличивается (а иногда и уменьшается, регрессирует) со временем, которое никогда, то есть пока не кончится время, не остановится и которое — само — о времени. Ни один человек (или бог) не может знать все, пока он — во времени. А если он и выходит из времени, то чтобы войти в другое, с сохраненным или забытым знанием прежнего. Из разнообразнейших сюжетов мифа о неполном знании мы узна-

ем, как это знание ищется и находится, обретается и теряется, хранится и употребляется. Чтобы его получить, в ход идут самые разные средства. Тут задаривание и угроза, обмен и обмен, хитрость и кража. И разговор о получении знания никогда не кончается.

В мифе о неполном знании знание всегда *необходимо* именно вследствие его не-трансцендентности. Оно никогда не равно самому себе, и его всегда мало. При том, разумеется, что оно и со стороны, и изнутри мифа (то есть с точки зрения действующих лиц или рассказчика) *необходимо природно*, либо, в силу конкретных условий и обстоятельств, лежащих в природе знающего и известного, либо в силу хода сюжета, что — одно и то же. Ибо иерархия знания здесь (при том, что она не совпадает с иерархией природы или творения) не допускает трансцендентного Знающего.

Таков наш второй разговор — между богом Одним и прорицательницей (*вэльвой*) Хайд. Один — мудрейший Все-Отец. Он родился почти вместе со временем («когда время было совсем молодое»). Он знает, что его мир стареет и скоро («скоро» — в *его* времени) наступит его полное разрушение и возврат к первичной водной стихии. Знает он и о том, что где-то далеко-далеко, в предрассветных сумерках гибели мира, забрезжит свет нового времени и родится другой мир. Но кто из любимых им и любящих его там возродится? Что из старого знания переживет Гибель Богов (*Рагнарёк*) и перейдет в их новое обиталище? Больше, чем Один, знают Норны, девы, прядущие судьбы людей, но только в отдельности, не определяющие судеб целого. Больше Норн знает мертвая прорицательница. Еще больше знает живая женщина Хайд. «Ты знаешь о прошлом, но и я его знаю, ибо был там почти от начала. Скажи мне о будущей последней битве и о Рагнарёке, конечной гибели всего», — просит ее Один. Став позади нее, он простер руки над ее головой так, чтобы знание будущего, которое она сейчас будет прозревать, перешло через его руки в его знание. И от нее Один узнал, что двое из десяти его сыновей и двое внуков переживут Рагнарёк, а другие двое сыновей возродятся из мира мертвых. И будут они сидеть у нового очага в новом дворце, в

возрожденном граде богов, Асгарде, беседуя о прошлом творении и прошлой гибели мира и делясь с двумя пережившими вместе с ними Гибель Мира людьми *знанием о прошлом*.

Миф неполного знания всегда включает в себя «под-миф» о прошлом знании, его передаче и его бытовании, как в сообщении из одного мира в другой, так и от одной личности к другой в разговоре. Здесь *действительно* существует лишь то, что рассказывается, о чем говорится, а само знание действительно только как рассказываемое (или прочитываемое — в *руках*). Мифически, рассказ о событии здесь — важнее события. (Стоило пережить Гибель Богов, чтобы потом о ней рассказать.) Или — скажем так: прошлое обретает свою мифологическую значимость как знание и рассказ о нем. *Личность* здесь — знающий, сохраняющий знание и передающий его в разговоре и рассказе.

Последнее — чрезвычайно важно, ибо подразумевает свою особую мифологическую (да есть ли другая?) *антропологию*. В отличие от мифа о полном знании, где Знающий — это не личность, не человек и не бог, а, скорее, Знающее То, в контексте мифа о не-полном знании знать могут *все*. Человек здесь не является носителем знания по преимуществу. Им может оказаться бог, гигант или карлик, как, впрочем, и житель любого из девяти миров, составляющих вселенную (не исключая даже животных и неживые предметы). И все-таки, в отличие от нашего первого случая, — это антропология. Ибо человеческий *образ знания* здесь остается исходным при всех волшебных и магических превращениях. [Отсюда — четкая мифологическая идея о «своей форме» бога, волшебника и человека (если последний превращается во что-то другое силой чужого волшебства) в германско-скандинавских текстах.]

В несомненной связи с антропологией мифа о неполном знании стоит и под-миф о божественном происхождении человека, по отношению к которому под-миф о божественном сотворении человека фигурирует как дополнительный, а не противоположный. Ибо в первом знании может и *не* передаваться по наследству, тогда как в последнем оно *может* даваться человеку при сотворении. Так, сын мудрого Одина Тор — могучий, но глуповатый. В валентинианском гностицизме сам

бог-творец, Ялдабаоф, хотя и рожден Софией (последним из эонов), — не-мудр и тщеславен. Вообще, мир, хотя и прекрасен (как в «Старшей Эдде»), но в самом своем творении несет причину своего разрушения. Либо (как в валентинианстве) — заведомо *ошибочно* сотворен («миф необходимой ошибки»). В обоих случаях (в остальном крайне несхожих) миф о человеке есть миф о знании, с одной стороны, а с другой — миф о знании редуцируется к человеческому образу.

Это приводит нас к размышлениям о мифологичности так называемой «научной» антропологии, включая сюда и любую антропологическую философию. Человек — точнее, «изучаемый, наблюдаемый человек» как одно из выражений понятия «другого человека вообще» — это не только одна из научно-философских фикций эпохи Просвещения. Это еще и сложный в своей композиции *миф*, непроницаемый для опыта современного антрополога или философа. Сложный, потому что за интуитивно мыслимым образом «человека», образом конечным и определенным, то есть не допускающим, при всех возможных изменениях, трансформации в «не-человека» (бога, животное, вещь и т.д.), стоит идея «человека вообще», то есть *иного, чем индивидуальность, моя или любого другого человека*. Выраженная таким образом идея «человек» четко редуцируется, в своем мифологическом содержании, к трем составляющим ее «простым» идеям: (1) «Я и (любой) другой человек вместе взятые»; (2) «(моя или любая другая) индивидуальность»; (3) «иной, чем...». Последняя идея, внутри мифологической структуры сознания, называемой «человек», играет роль *универсального дифференцирующего оператора*, в дополнительном отношении к которому, в этом и многих других мифах, обычно находится «как» (*qua*), играющее роль *универсального анализирующего оператора*. В обоих этих операторах рефлексия самосознания закрывает от нас их мифологичность. «*Иной, чем я*», — это такой же миф о человеке, как «Я как другой» — миф о самом себе. Одержимость просвещенных умов XX века такими клише, как «отчуждение», «(Я и) другой», «отсутствие», «диалог», «identity» — говорит о неспособности этих умов осознать *объективную мифологичность* этих клише.

Мифологичность не в смысле архаичности — миф не может быть старым или новым, только его контекст и интерпретация связаны со временем. Мифологичность — как неотрефлексированная тенденция научно-философской мысли к объективации и онтологизации «знания» как «человеческого». Наш миф о неполном знании, разумеется, имеет своим следствием «человеческое» как «знание». Этими двумя версиями мифическая антропология далеко не исчерпывается. (Так, в шумеро-аккадской мифологии «человеческим» было кормление богов посредством жертвоприношений после того, как боги устали сами себя кормить.)

В конце концов, с точки зрения неотрефлексированной мифологии Просвещения, миф о неполном знании, в его германско-скандинавской версии, так же бесчеловечен («не-гуманен»), как и разговор голой танцовщицы с Духом, не говоря уже о под-мифе «сверх-человека» Ницше (являющемся типичным «вырожденным» рефлексом той же мифологии Просвещения на включенные в нее и «чужеродные» ей философские мифы полного знания). Ведь разговор танцовщицы с Духом — это аллегория «чистого человеческого» (то есть до-антропологического) состояния, когда разум, еще не ставший человеческим (то есть еще не брошенный Природой в поток эволюции), ждет своей встречи с духом, который не был и не будет человеком из-за своего Всезнания.

Философствуя о мифе, философ не делает из него философии. Философия — это *его* способ рефлексии над *его* же мышлением, мыслящим о мифе. Таким образом, сам способ, путь этой рефлексии может быть мыслим им мифологически, что едва ли возможно или крайне трудно для мифолога *par excellence*, то есть фольклориста или филолога. Ибо для последнего миф — это текст, объектно (как объект исследования) отделенный от исследующего мышления. Философ же может даже *начать* с текста (в смысле — не что-то *как* текст, а текст *как* что-то) как *не-специфического* объекта мышления, которое им же будет отрефлексировано как *одно*, то есть — мифологическое тоже. С другой стороны, тот же философ, в порядке «обратного» рефлексирования, может мыслить о философии

(любой) как о мифе. Тогда он до бесконечности будет разговаривать (если найдет собеседников) о нагой танцовщице и Духе, Природе и Полном Знании, реализуя в самом себе **ОДИНИЧЕСКИЙ** миф Неполного Знания.